

ПРЕЮДИЦИАЛЬНЫЕ СУДЕБНЫЕ АКТЫ КАК НЕОБХОДИМЫЕ ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© 2017 г. Денис Валентинович Зотов¹

В статье анализируются основные подходы в понимании института межотраслевой неопровержимой преюдиции в уголовном судопроизводстве. Исследуются как доктринальные взгляды, так и правовое значение и последствия преюдициальности, изложенные в актах Конституционного Суда РФ. Преюдиция является элементом формализованного пути познания, а ее законодательное закрепление выступает платформой для пересмотра таких устоявшихся догм уголовного процесса, как цель доказывания, свобода внутреннего убеждения, свободная оценка доказательств. Преюдициальные акты суда определяются как необходимые пределы доказывания – те источники доказательств, без которых уголовное дело не может быть рассмотрено.

The article analyzes the main approaches to the understanding of interdisciplinary institute of the undeniable prejudice in the criminal process. The article investigates different doctrinal views, as well as the legal meaning of the Constitutional Court of the Russian Federation to the problem of prejudice. Prejudice is an element of a formal cognition, and its legislative consolidation serves as a platform for the review of such dogmas as the purpose of the criminal evidence theory, freedom of judges conviction, a free proofs evaluation. Prejudicial acts considers as a necessary proving limit.

Ключевые слова: уголовный процесс, преюдиция, пределы доказывания, необходимые доказательства, оценка доказательств, истина, формализм, иные документы.

Key words: criminal process, prejudice, the proving limits, the necessary evidence, assessment of evidence, the truth of formalism, other documents.

К числу необходимых пределов доказывания² следует отнести все решения судов, которые заставляют включаться механизм преюдициальности в уголовно-процессуальном доказывании. Под преюдицией принято понимать обязательность установленных вступившим в законную силу судебным актом обстоятельств одного дела для другого рассматриваемого дела.

Теория права знает межотраслевую и внутриотраслевую преюдиции.

Межотраслевая преюдиция признает факты, установленные судом в процессе одного вида (например, в гражд-

данском), обязательными для суда, рассматривающего дело в процессе другого вида (например, в уголовном).

Внутриотраслевая преюдиция характерна для признания фактов, установленных судом в процессе одного вида (например, в уголовном), обязательными для суда, рассматривающего дело в процессе того же самого вида (например, в уголовном).

Выделяют также неопровержимую (строгую, абсолютную) и опровержимую (нестрогую) преюдиции. Опровержимая преюдиция позволяет суду ставить под сомнение предыдущее судебное решение и отвергнуть презюмируемые факты. Неопровержимая преюдиция таких сомнений не допускает.

История развития отечественного законодательства о преюдиции в уголовном процессе далеко не последовательна и полна резко противоположных позиций. Первоначально ст. 90 УПК РФ устанавливала внутриотраслевую опровержимую преюдицию, поскольку на момент принятия УПК в 2001 г. норма гласила так: “Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, если *эти обстоятельства не вызывают сомнений у суда*. При этом такой приговор не может предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле”. Такая формулировка в полной мере отвечала концепции свободной оценки доказательств на основе внутреннего убеждения, поскольку, с одной стороны, ориентировала на возможность вовлечения в процесс только тех актов, которые вынесены в рамках процессуальной формы того же вида правосудия, т.е. уголовного судопроизводства. С другой – правило преюдиции оставляло место для разумных сомнений, что в большей степени индивидуализировало непосредственное познание по конкретному уголовному делу, не ставя устанавливаемые обстоятельства в зависимость от ранее вынесенного решения.

¹ Заведующий кафедрой организации судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО “Воронежский государственный университет”, кандидат юридических наук, доцент (E-mail: zotov78@mail.ru).

Denis Zotov, head of the department of organization of judicial authority and law enforcement activity of Voronezh state University, PhD in Law, associate Professor (E-mail: zotov78@mail.ru).

² Под необходимыми пределами доказывания автор понимает такое число источников доказательств, без которых невозможно обоснование позиции по делу либо оценка их достаточности. Необходимые пределы доказывания есть обязательное и неизбежное число источников доказательств, отсутствие которых тормозит доказательственную деятельность. Необходимые пределы доказывания не обладают заранее установленной доказательственной силой и не имеют каких-то преимуществ перед другими средствами доказывания, но при их отсутствии невозможно установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, что ведет к затягиванию процесса, а в итоге к невозможности правильного разрешения дела (см. подробнее: Зотов Д. Пределы для пределов доказывания // Законность. 2014. № 9. С. 57–60; *Его же*. Необходимые пределы доказывания в условиях концепции свободы внутреннего судебного убеждения // Актуальные проблемы рос. права. 2014. № 4. С. 658–664).

В дальнейшем в результате изменения редакции ст. 90 УПК РФ закрепляет межотраслевую неопровержимую преюдицию: «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со статьей 226.9, 316 или 317.7 настоящего Кодекса либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле» (в ред. Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 191-ФЗ). Данная конструкция не только вызвала шквал нареканий со стороны теоретиков и практиков процесса, но и потребовала специальных разъяснений Конституционного Суда по этому вопросу.

По оптимистичному мнению Л. В. Головки, такие изменения не столь катастрофичны, если признать за институтом преюдиции строго очерченные пределы, определенные тремя фундаментальными правилами процессуальной теории: «Во-первых, речь идет об институте доказательственного права, которое связано исключительно с установлением фактических обстоятельств дела, а не их юридической оценкой <...> Во-вторых, использование в любом процессе преюдиции ни при каких обстоятельствах не может служить средством обхода процессуальных гарантий прав личности, установленных в другом процессе <...> В-третьих, не могут иметь преюдициального значения решения, вынесенные в рамках особых процедур и производств, исключающих проведение полноценного судебного следствия <...>»³. Конечно, предложенный подход основан на логике права и здравом смысле, которым законодатель не всегда следует. Здесь уместно вспомнить, что до внесения соответствующих поправок правило преюдициальности распространялось в том числе на решения, вынесенные в результате особых усеченных производств. Вместе с тем предложенные Л. В. Головки аксиомы, не будучи формально закрепленными, не решают практических проблем буквального понимания и применения ст. 90 УПК РФ. Обязанность признавать факты без проверки есть не что иное, как предрешение вопросов юридической оценки. А как по-другому можно оценить обстоятельства, в которых сомневаться запрещено? Преюдиция в ст. 90 УПК РФ закреплена как императивная норма, не допускающая любых сомнений субъектов доказывания в истинности обстоятельств, установленных решениями, вступившими в законную силу, что, собственно, и охватывается понятием строгой (неопровержимой) преюдиции, запрещающей сомневаться и обязывающей признавать установленный факт без проверки. С такой постановкой вопроса не соглашается В. П. Божьев, полагая, что положение ст. 90 УПК РФ, учитывая занимаемое ими место и значение в системе норм, не могут блокировать действия базовых правил собирания, проверки и оценки доказательств⁴. Данное утверждение является дискуссионным, поскольку ссылка на ст. 17 УПК РФ, закрепляющую свободу оценки доказательств и устанавливающую запрет на предрешенную силу доказательств, здесь вряд ли будет действовать. Налицо конкуренция отраслевой и институциональной норм. Предпочтение

должно быть отдано последней в силу правила о преимуществе специальной нормы над общей.

Не спасает ситуацию и такая попытка выправить гнет абсолютной преюдиции: «Статья 90 УПК РФ освобождает лишь от проверки обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, только суд, прокурора, следователя, дознавателя, но не лишает права обвиняемого опровергать данные обстоятельства и доказывать в уголовном процессе недостоверность данных обстоятельств. Право оспаривания данных обстоятельств связывает суд обязанностью проверить доводы обвиняемого лица. Таким образом, можно утверждать, что и в УПК РФ несмотря на наименование ст. 90 «Преюдиция», в ней идет речь не о преюдиции, а лишь о неудачной попытке распределении бремени доказывания, причем с целью облегчить положение обвиняемого»⁵. Таким образом, предпринята попытка обыграть специальный прямой запрет для одного участника процесса через опосредованное общее право другого. Действительно, право обвиняемого на оспаривание любых обстоятельств по уголовному делу следует из его конституционного права на защиту. Однако такое право, являясь абсолютным по существу, в то же время ограничено рядом формальных условий его реализации: процессуальными сроками, формой выражения несогласия, отсутствием правовых последствий для оспаривающего и др. К числу таких условий следует отнести и корреспондирующую обязанность суда, прокурора, следователя и дознавателя реагировать на несогласие обвиняемого признавать преюдициальное значение за обстоятельствами, которые он считает сомнительными. Однако здесь для этих участников процесса возникает очередная дилемма — как воспринимать уголовно-процессуальный закон: буквально или расширительно, толкуя его с позиций фундаментальных правил процессуальной теории? Ответ на него очевиден: «Как практические работники толковали норму закона о том, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда..., признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки? Большинство прокуроров и судей — буквально. Следователи, расследующие подобные дела, полагали, что преюдиция должна быть опровержимой. Дознаватель, следователь, прокурор и суд вправе поставить под сомнение предыдущее судебное решение и проверить невыясненные обстоятельства. Именно такое решение, утверждали они, соответствует назначению уголовного судопроизводства, принципам свободы оценки доказательств, состязательности процесса, защите законных интересов личности и государства, — пишет Г. Я. Борисевич. «Умелое» пользование несовершенством закона, надо полагать, позволило небольшому количеству лиц уйти от уголовной ответственности»⁶.

Не снимет всех сложностей указание Конституционного Суда РФ на то, что признание в уголовном судопроизводстве обстоятельств, установленных в иных видах правосудия, «не

³ Головки Л. В. Пределы применения института преюдиции в процессуальном праве // Правосудие в Московской области. 2010. № 4. С. 24, 25.

⁴ См.: Божьев В. Издержки системного характера при корректировке норм УПК о доказывании и преюдиции // Законность. 2010. № 10. С. 7.

⁵ Султанов А. П. Вопросы межотраслевой преюдиции // Адвокат. 2011. № 6. С. 34—42; Об этом же: Ястребов О. А. Межотраслевая преюдиция и ее значение для совершенствования института доказывания уголовно-процессуального права // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 3. С. 27.

⁶ Борисевич Г. Я. О проблемах применения статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1. С. 265.

может препятствовать рассмотрению уголовного дела на основе принципа презумпции невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления, которая может быть опровергнута только посредством процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, и только в рамках уголовного судопроизводства⁷.

Алогичность такого подхода видится в следующем. С одной стороны, Конституционный Суд РФ ясно признает специфику процессуальных правил доказывания для уголовного судопроизводства, которая выражена в уникальном распределении бремени доказывания, наличии права на защиту, особенных гарантиях участников процесса, действию презумпции невиновности, опровержение которой возможно исключительно средствами уголовно-процессуального доказывания и лишь в условиях уголовно-процессуальной формы. С другой — сам же Суд названные особенности нивелирует за счет поддержания “права на жизнь” в уголовном судопроизводстве межотраслевой неопровержимой преюдиции, заставляя субъектов доказывания признавать факты, доказанные вне специфики уголовно-процессуальной формы. В противном случае — зачем признавать без дополнительной проверки обстоятельства, установленные в одном процессе, если они не в силах опровергнуть правила доказывания (в том числе и презумпции) в другом? Вывод может быть только один: фактические обстоятельства, установленные вне уголовно-процессуальной формы способны опровергать правила уголовно-процессуального доказывания.

Подобное решение полностью согласуется с концепцией формальной теории доказательств, причем с ее положительным руслом, где нет места сомнению в оценке фактов, которые уже заранее определены и предрешают исход дела. Действительно, “мертвящий” формализм способен вытеснить живое человеческое восприятие события преступления и расторгнуть в неопровержимых шаблонах индивидуализацию любого события прошлого⁸.

Естественно, что действующее законодательство просто не позволяет в этом случае ставить вопрос о достижении объективной истины. Именно эти вопросы несоответствия цели доказывания и средств ее достижения приводят к критике действующих преюдициальных правил. Суть их сводится к одному: будучи категорией формальной, преюдиция вступает в противоречие с концепцией свободного внутреннего убеждения, а заодно и с положениями УПК о “всесторонности, полноте и объективности”, в которых еще многие как практики, так и теоретики видят возможность достижения объективной истины⁹.

Вместе с тем здесь нельзя согласиться с суждениями, когда из формализованного феномена преюдиции искусственно

пытаются вывести объективный итог: “Тем не менее в случае, если преюдициальный судебный акт, наряду с другими доказательствами, вписывается в обоснование виновности (невиновности) обвиняемого, то он становится одним из элементов процедуры установления объективной истины. Если же обстоятельства, установленные преюдициальным решением, противоречат материалам уголовного дела, то в этом случае предпочтение должно быть отдано внутреннему убеждению, благодаря которому выбирается нужное направление поиска в достижении истины по уголовному делу”¹⁰. Во-первых, налицо приспособление преюдиции под нужды той или иного уклона, под материалы дела. Преюдиции не свойственно “лить воду на мельницу” объективной истины и стараться “казаться” элементом в механизме ее достижения. Совершенно очевидно, что фактические обстоятельства, основанные на преюдиции, могут влечь за собой либо обвинительные, либо оправдательные выводы. Естественно, в зависимости от позиции в состязательном споре такие обстоятельства могут как согласовываться, так и нет с имеющимися материалами уголовного дела. Поэтому правоприменителю не стоит в случае противоречия преюдиции с обоснованием позиции искать новый — третий путь, а достаточно лишь на основе свободной оценки доказательств вскрыть все несогласованности и обосновать свое решение. Во-вторых, вряд ли целесообразно любое средство процессуальной аргументации, подтверждающее ту или иную позицию, автоматически включать в механизм достижения объективной истины. Такие средства должны отвечать ряду критериев: научности, законности, проверяемости, этичности и пр. Так, если по уголовному делу с использованием преюдициальности была установлена объективная истина, то ее достижение было *не благодаря* средствам преюдиции, а *несмотря на них*.

Однако любые попытки изменить природу межотраслевой неопровержимой преюдиции в уголовном процессе с формально определенных начал на объективные вряд ли окажутся успешными. Любые преюдициальные нормы, какой бы вид преюдиции ни регламентировали (внутриотраслевой — межотраслевой, опровержимой — неопровержимой), всегда будут проявлением формальных правил доказывания. Выход видится только в признании формальной теории доказательств (ее отрицательного русла)¹¹ в качестве неотъемлемой части отечественной уголовно-процессуальной концепции доказывания.

¹⁰ Азаров В.А., Нурбаев Д.М. Преюдиция и внутреннее убеждение при установлении истины в уголовном судопроизводстве // Известия Алтайского гос. ун-та. 2013. № 2—1. С. 79.

¹¹ Здесь уместно вспомнить одного из сторонников отрицательной теории формальных доказательств В.Д. Спасовича: “Эта теория по существу своему может быть только отрицательная, то есть несколько не похожа на то, что мы привыкли считать теорией законных доказательств, то есть на теорию доказательств, выработанную инквизиционным процессом. Она не должна учить судью, чем он должен убеждаться; она указывает только судье, чем он не должен предубеждаться. Она не определяет, какую силу имеет каждое доказательство; она только подвергает предварительной сортировке все данные, которые могут быть собраны следствием, исключает из ряда их обманчивые и шаткие, на которых опасно вообще строить какие бы то ни было выводы, но затем, устранив все сомнительные основания, предоставляет судье из остальных источников сделать по совести заключение о вине или невинности подсудимого, причем она может потребовать и отчета в том, какими путями он пришел к этому убеждению” (см.: Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судопроизводством и судопроизводством. М., 2001. С. 69).

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ “По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко” от 21 декабря 2011 г. // Собрание законодательства РФ. 2012. № 2. Ст. 398.

⁸ См.: Зотов Д.В. О теории формальных доказательств: и все же она возвращается // Адвокат. 2015. № 4. С. 5—9.

⁹ См., например: Григорьев В.Н., Победкин А.В. О методологии совершенствования доказательственного права // Гос. и право. 2003. № 10. С. 58—60; Зажицкий В.И. Истина и средства ее установления в УПК РФ: теоретико-правовой анализ // Там же. 2005. № 6. С. 67—74; Орлов Ю.К. Проблемы истины в уголовном процессе // Там же. 2007. № 3. С. 50—56; Шейфер С.А. Куда движется российское судопроизводство? (Размышления по поводу векторов развития уголовно-процессуального законодательства // Там же. 2007. № 1. С. 31, 32.

Преюдиция, оставаясь элементом формализованного пути познания, предполагает обязательное признание обстоятельств, установленных в другом процессе. Это сразу ставит вопрос об обязательных источниках доказательств, без которых уголовное дело не может быть рассмотрено, т.е. речь идет о *необходимых пределах доказывания*. Особенности таких необходимых пределов доказывания заключаются в следующем.

1. Преюдициальные приговоры и решения не являются самостоятельным видом доказательств, а вовлекаются в процесс через такой источник, как **“иные документы”**. Обязательным условием существования “иных документов” является изложение в них сведений, которые имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 84 УПК РФ). Такие сведения могут быть изложены на любом носителе информации.

2. К необходимым пределам следует отнести **приговоры** и решения судов, принятые в рамках **гражданского, арбитражного или административного судопроизводства** (ст. 90 УПК РФ). Данную конструкцию сложно считать удачной с позиций законодательной техники. Ее буквальное восприятие затрудняет правоприменение. Очевидно, что законодатель хотел указать на все итоговые акты (приговоры и решения), принимаемые Верховным Судом, судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Ссылка на “рамки судопроизводства” затруднительна, поскольку, во-первых, такие рамки не всегда строго определены, а зачастую подвижны настолько, что приводят к спорам о подведомственности. Во-вторых, ст. 118 Конституции РФ прямо не предусмотрен такой вид судопроизводства, как арбитражный, но уголовно-процессуальный закон его называет, видимо, опираясь на устоявшееся правопонимание. В-третьих, в связи с принятием Кодекса административного судопроизводства РФ актуальным становится вопрос о рамках административного судопроизводства, из которого исключены дела об административных правонарушениях, подведомственные судам. Согласно КАС РФ (ч. 5 ст. 1, ч. 1 ст. 2) рассмотрение дел об административных правонарушениях перестало быть правосудием вообще, и не ясно тогда, что это за безымянная функция, реализуемая судами? Соответственно, постановления, вынесенные судами по делам об административных правонарушениях, преюдициальными свойствами в уголовном судопроизводстве не наделены.

3. В необходимые пределы доказывания включаются лишь **итоговые** решения без какой-либо возможности использования промежуточных решений по делу.

4. Преюдициальностью могут наделяться лишь судебные акты, **вступившие в законную силу**. “Ожидание” вступления в законную силу не приостанавливает производства по делу.

5. Преюдициальность вступившего в законную силу судебного акта **не может** распространяться на **лиц, не участвовавших ранее** в рассматриваемом уголовном деле. Однако и в этом есть недопонимание закона, на которое верно указывается на страницах печати: «Если следовать Закону буквально, к чему в принципе, как правило, стремится законодатель, получается, что при применении, например, гражданским или арбитражным судом такого основания недействительности сделки, как ее совершение под влиянием “обмана, насилия, угрозы...” и т.д. (ст. 179 ГК РФ), соответствующее решение станет для уголовного суда преюдициальным в части установления, например, факта насилия и повлечет автоматически признание лица виновным в совершении преступления, поскольку применение насилия при заключении сделки означает элементарное вымогательство в уголовно-правовом смысле (ст. 163 УК РФ). При этом обвинению даже не придется в рамках

уголовного процесса доказывать наличие в действиях лица состава вымогательства. Иначе говоря, решение, вынесенное в рамках гражданского или арбитражного процесса, в котором нет ни участия защитника, ни презумпции невиновности, ни ограничения заочного производства и т.д., полностью освобождает в силу редакции ст. 90 УПК РФ обвинителя от бремени доказывания в уголовном процессе, тем более что обвиняемый не будет в такой ситуации входить в число лиц, “не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле” (он в нем, естественно, участвовал и участвует)»¹².

6. Преюдициальное значение имеют обстоятельства лишь в отношении **лица, правовое положение которого уже определено** ранее вынесенным судебным актом по другому делу. “В силу объективных и субъективных пределов действия законной силы судебного решения для органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, не могут являться обязательными обстоятельства, установленные судебными актами других судов, если этими актами дело в отношении данного лица по существу не было разрешено”¹³.

УПК РФ (ч. 1 ст. 252) устанавливает пределы судебного разбирательства, которое проводится только в отношении обвиняемых и лишь по предъявленному им обвинению. Соответственно, суд не вправе разрешать вопрос о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в уголовном деле в таком качестве, а также при рассмотрении уголовного дела считать установленными без дополнительной проверки обстоятельства, ранее признанные приговором по делу, в котором данное лицо не привлекалось к уголовной ответственности.

7. Необходимые пределы доказывания не могут распространяться на приговоры судов, вынесенные в рамках **сокращенных и особых производств**. К ним относятся: а) постановление обвинительного приговора по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме (ст. 226.9 УПК РФ); б) постановление приговора без проведения судебного разбирательства в связи с согласием с предъявленным обвинением (ст. 316 УПК РФ); в) постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 317.7 УПК РФ). Однако в уголовно-процессуальном законе не указано об упрощенных процедурах доказывания обстоятельств в других видах судопроизводства. Например, в административном судопроизводстве судом признаются без дополнительной проверки обстоятельства, которые признаны сторонами в результате достигнутого ими в судебном заседании или вне судебного заседания соглашения, а также обстоятельства, которые признаны стороной и на которых другая сторона основывает свои требования или возражения (ст. 65 КАС РФ). Стоит ли решения, в основе которых лежат подобные или иные упрощенные процедуры, исключать из числа необходимых пределов доказывания в уголовном судопроизводстве? Ответ очевиден. Если такие производства вынесены за пределы преюдициальности в уголовном процессе с его системой жестких гарантий соблюдения прав личности, то это должно распространяться и на все другие виды правосудия.

¹² Головки Л. В. Указ. соч. С. 23.

¹³ Определение Конституционного Суда РФ “Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семяникова Владимира Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации” от 25 января 2012 г. // СПС “КонсультантПлюс”.